

О СУБСТАНТИВАЦИИ КАК СПОСОБЕ ОБРАЗОВАНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ: ВЛИЯНИЕ ГРЕЧЕСКИХ ОРИГИНАЛОВ¹

Эпоха написания “классических” старославянских памятников (вторая половина IX – начало XI в.) была и эпохой формирования старославянского лексического фонда, который создавался древними книжниками разными путями в ходе переводов на славянский оригинальных текстов (главным образом греческих²) и последующих редакторских правок. Греческие оригиналы были весьма сложны по языку и стилю, являя лексическое богатство, несопоставимое с лексическим инвентарем славянской народной речи того времени, и даже перевод относительно простого по языку евангельского текста потребовал от переводчиков изобретения новой славянской лексики³. Таким образом, лишь часть старославянского лексического фонда была почерпнута древними книжниками из народной славянской речи, причем нередко эти “старые” лексемы, имеющие точки соприкосновения в структуре значений со структурой значений требующих перевода греческих слов, подвергались ими операции расширения семантического объема⁴. Другую часть старославянского лексического фонда составляет “новая”, собственно старославянская, лексика. К ней, конечно, следует отнести грецизмы, введенные древними книжниками в процессе отношений “текст → текст” (т.е. заимствованные непосредственно в процессе перевода или правки), но в основном это – лексемы, образованные самими древними книжниками разными способами (в том числе и калькированием или с элементами калькирования). Старославянский инвентарь наименований лица формировался как из “старой”, так и из “новой” лексики, при этом в разных лексических группах взаимоотношения первой и второй складывались по-разному⁵.

¹ Статья написана в рамках работ по теме “Исследования в области палеославистики: влияние греческого языка на формирование лексического фонда старославянского языка” по проекту сотрудничества между Российской академией наук и Академией наук Чешской Республики с привлечением материалов Греческо-старославянской картотеки, хранящейся в Славянском институте АН ЧР.

² Говоря далее о “греческом” языке мы будем иметь в виду язык греческих оригиналов старославянских текстов, т.е. язык произведений христианской литературы, отраженный в византийских рукописях, используемых древними славянскими книжниками. Текст греческих оригиналов цитируется по изданиям: *Septuaginta* / Ed. A. Rahlfs. Vol. I–II. 5 ed. L., 1952; *Nestle E. Novum Testamentum graece*. 20. Aufl. Stuttgart, 1950; *Novum Testamentum graece et latine: Apparatu critico instructum* / Ed. A.S.J. Merk. 10 ed. Romae, 1984; *Заимов Й., Капалдо М.* Супрасълски или Ретков сборник. Т. 1–2. София, 1982–1983.

³ См., например, анализ славянского перевода Пролога Евангелия от Иоанна, проведенный Е.М. Верещагиным (История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997. С. 12–22).

⁴ *Večerka R. The Influence of Greek on Old Church Slavonic* // BS. 1997. Vol. LVIII/ 2. S. 368; *Верещагин Е.М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка... С. 40–41.

⁵ *Ефимова В.С.* О формировании старославянского лексического фонда: опыт лингвистико-культурологической стратификации наименований лица // Литературные языки в контексте культуры славян. М., 2008. С. 25–112.

Обычно в поле зрения палеославистов попадают старославянские наименования лица, образованные суффиксальным, сложным и суффиксально-сложным способами (т.е. суффиксальные дериваты и композиты). Так представлены наименования лица в многочисленных учебниках и учебных пособиях по старославянскому языку, в известной книге Р.М. Цейтлин⁶ в основном и в монографии Т.И. Вендиной⁷. На субстантивацию как способ номинации лица (т.е. на употребление прилагательных и причастий в роли существительных со значением лица) почти не обращается внимание. Большая часть таких наименований не отмечается даже современными старославянскими словарями⁸. Однако, согласно нашим подсчетам, уже в евангельском старославянском тексте – на относительно ранней стадии формирования старославянского лексического фонда – среди наименований лица число номинаций путем употребления в роли существительных прилагательных и причастий (с учетом окказиональных употреблений) почти в два раза превышает число суффиксальных существительных.

Как пытались мы показать в статье 2000 г., содержание явления субстантивации в старославянском языке не было равно содержанию субстантивации в современных славянских языках⁹. В старославянском языке в качестве наименований лица продолжали функционировать лексемы с древней структурой общеименной суффиксации типа *благъ*, *гложь*, *грѣдъ*, *добръ*, *зълъ*, *младъ*, *нагъ*, *небогъ*, *нѣмъ*, *сиръ*, *оубогъ*, называющие лицо по характерному для него признаку и используемые в текстах также и в качестве прилагательных. Такие, говоря словами Р. Ласса, “messages from the past”¹⁰ для эпохи старославянского языка следует считать именно прилагательными, употребляемыми в роли существительных¹¹. В качестве наименований лица продолжали функционировать и прилагательные с суффиксацией адъективной, но восходящие к праславянской древности: *мрътвъ* (ESJS 9, 504),

⁶ Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977.

⁷ Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.

⁸ Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958–1997; Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.

⁹ Ефимова В.С. Об употреблении прилагательных в роли существительных в старославянских текстах // Славяноведение. 2000. № 1. С. 56–69.

¹⁰ Lass R. Historical Linguistics and Language Change. Cambridge, 1997. С. 14.

¹¹ Ефимова В.С. Об употреблении прилагательных в роли существительных... С. 59–61. В.А. Баранов называет такие лексемы, встречающиеся в древнерусских текстах, *синкретами* (см.: Баранов В.А. Формирование определительных категорий в истории русского языка. Казань, 2003. С. 29–34). Термин “синкрета” можно, видимо, признать приемлемым (вместо привычных “нерасчлененности”, “бывшей общности”, “первоначального единства” категории имени), однако поскольку в старославянском языке существительное и прилагательное существовали уже как самостоятельные части речи, наличие в языке таких синкрет, следует, несомненно, отнести к более древней эпохе. В старославянском языке среди наименований лица в качестве субстантивированных прилагательных употребляются имена с основами на *-o* и *-a* (последний для наименований ж. р.), т.е. обычные для старославянского языка типы прилагательных. Тип прилагательных с основой на *-i* ко времени возникновения старославянского языка уже исчез, поэтому редкие имена с такого рода значением и восходящие к именам с древней структурой общеименной суффиксации с основой на *-i* типа *блѣдъ* ‘болтун, пустомеля’, *болъ* ‘больной’, *маломощъ* ‘калека’ функционируют в нем только как существительные.

чистѣ (ESJS 2, 108–109), богатѣ (ESJS 2, 70), гжгъниѣ (ЭССЯ 7, 82), ниць (ЭССЯ 25, 123), великъ (Черных I, 139–140) и др. Например: οἱ τρυφεροὶ μου ἐπορεύθησα ὁδοῦς τραχείας – **млади мои пондоша по жестокоу пѣти** . (Supr 135,1); καὶ ὅψας τὰ περιβόλαια, τοῖς γυμνοῖς ἑαυτὸν ἐγκatéμισε – **и съврѣгъ ризы къ нагънымъ са примѣси** . (Supr 93,20); ἐνεδρεύει τοῦ ἀρπάσαι πτωχόν – **лаетъ въсхътіті ништаго** . (Ps 9,30 Sin); τί ζητεῖτε τὸν ζῶντα μετὰ τῶν νεκρῶν – **что иштете живаго съ мрътвыми** . (L 24,5 Zogr, Mar, As¹²) и др.

При том, что древние славянские книжники стремились приближать морфологические структуры старославянских наименований к структурам их греческих соответствий, и это стремление усиливается по мере становления старославянского языка и удаления его от первых кирилло-мефодиевских переводов, можно указать примеры перевода “старыми” лексемами с древней структурой общеименной суффиксации греческих лексем сложной морфологической структуры (композигов, субстантивно употребленных причастий), т.е. перевода “по смыслу”. Ср.: *ὑπερήφανοι* παρηνόμου ἕως σφόδρα – **грѣднѣ законъ прѣстѣпахъ вельми** (Ps 118,51 Sin); или: ...ἀλλὰ τῶν νηπιαζόντων τὴν ἀκακίαν – . . . **нѣ младыныхъ безълобвию** (Supr 340,26). Такие случаи перевода свидетельствуют, что употребление подобных наименований лица, которые в языковой системе рассматриваемой эпохи функционировали в качестве субстантивированных прилагательных, было свойственно славянской речи того времени. Это свойство совпало с особенностью языка греческих оригиналов славянских переводов: в греческом языке бывшая общность категории имени проявлялась в наличии массы лексем, не имевших суффиксов, маркированных как частеречные. То есть в зависимости от потребностей генерирующего текст эти лексемы могли использоваться как в качестве прилагательных, так и для наименования предмета (в нашем случае лица). Ср.: ξένος ‘чужой’ – ὁ ξένος ‘иноземец, странник’, πολέμιος ‘вражеский, неприятельский’ – ὁ πολέμιος ‘воин-неприятель’, ἀχάριστος ‘неблагодарный’ – ὁ ἀχάριστος ‘неблагодарный человек’ и многие другие.

Необходимость адекватного перевода наименований лица, выраженных в греческих текстах лексемами без суффиксов, маркированных как частеречные (но в большинстве случаев с постановкой артикля), провоцировала древних книжников широко использовать указанное свойство славянской речи и создавать соответствующие славянские наименования лица путем субстантивации прилагательных. Употребленные без определяемого существительного в синтаксических позициях подлежащего, левого и правых актантов, неконститутивных непредикатных определителей и неконститутивных определителей предиката, в позиции обращения¹³, любые прилагательные, способные обозначать характерный для человека признак (и, следовательно,

¹² Сокращения названий рукописей и библейских книг даются так, как это принято в Греческо-старославянской картотеке, хранящейся в Славянском институте АН ЧР, и в издании: Slovník jazyka staroslověnského.

¹³ Субстантивным употреблением прилагательных в качестве наименований лица в позиции обращения объясняется форма с окончанием -е. Например, в L 12,20: ἄφρον, ταύτη τῇ βυκτὶ τὴν ψυχὴν σου ἀπαιτοῦσιν ἀπὸ σοῦ – **безоумне . въ сныи ношѣ дѣи твоѣи издаѣхъ отъ тебе** . Zogr. А. Вайан называл эти формы “звательным падежом прилагательных”. См.: Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 148.

именовать по нему лицо), могли становиться такими наименованиями. Данное значение было свойственно прилагательным с продуктивными суффиксами *-ъn-* и *-(ъl)iv-*, которые и образовывали множество наименований лица: *ὁ ἀνάπληρος* (L 14,21) – **вѣдънътии** ‘больной, увечный человек’ (Zogr, Mar, As, Sav) и *κυλλός* (Mt 15,31) – **вѣдънътии** ‘то же’ (Mar), *ὁ πιστός* – **вѣрънътии** ‘верующий, правочерный’ (Supr 321,24; Supr 405,14 и др.), *ὁ ἁμαρτωλός* – **грѣшьнъ(ътии)** ‘грешник’ (Ps 3,8 Sin; Ps 7,10 Sin; Ps 9,24 Sin; Ps 9,25 Sin; Ps 70,4 Sin и многие другие, однако при цитации Ps 1,1 в Supr 101,18–19 *ἁμαρτωλός* – **пагоуъбънътии** ‘губитель’, т.е. перевод “по смыслу”, но тоже субстантивированным прилагательным), *ὁ ἐναντίος* – **ратънътии** ‘противник, воин-неприятель’ (Supr 93,9; Supr 94,22) и *ὁ πολέμιος* – **ратънътии** ‘то же’ (Supr 502,13), *ὁ ἐλεύθερος* – **свободънътии** ‘свободный человек’ (Supr 57,25–26), *ὁ ξένος* – **странънътии** ‘иноземец, странник’ (Mt 27,7 Zogr, Mar, As, Sav и др.), *ὁ δόλιος* – **лъстивътии** ‘калиф’ (Supr 58,10; Supr 59,28; Supr 61,23; Supr 65,9), *ὁ λεπρός* – **пѣготивътии** ‘прокаженный’ (Supr 387,21–22; Supr 392,16), *στρεβλός* – **стрѣпътивъ** ‘извращенный человек’ (Ps 17,27 Sin) и многие другие. Например: *Ὡ τοῦ θαύματος πῶς ὁ ἄνομος καταδεσμεῖ τοὺς ἐλευθέρους; – ὡ чоудо како безакон’никъ важетъ свободънътии* . (Supr 57,25–26); καὶ μετὰ στρεβλοῦ διαστρέψεις. – *и съ сътропътивомъ развратиши съи* . (Ps 17,27 Sin). Наименования лица с другими (малопродуктивными) адъективными суффиксами единичны. Например, с суф. *-ъk-* **кротъкъ(ътии)** ‘кроткий человек’ (*ὁ πρᾶύς*, Mt 5,5 Zogr, As, Sav), с суф. *-av-* **сквърнавътии** ‘нечестивец’ (*ὁ μιарός*, Supr 63,1), с суф. *-ovit-* **водънотрждовитътии** ‘больной водяной’ (*ὁδρωπικός*, Zogr 130a 20 и Mar 76b 31, т.е. в оглавлениях), **сановитъ(ътии)** ‘высокопоставленный чиновник’ (Supr 561,25¹⁴). Большинство этих наименований лица обладают семантической структурой, которая в свое время на примере чешского языка была описана М. Докулилом как характеризующаяся простым и недифференцированным ономаσιологическим признаком, добавляющимся к значению ‘человек’¹⁵, хотя было возможно и дальнейшее усложнение семантики (ср., например, **лъстивътии** ‘калиф’). Такая же семантическая структура была свойственна и многим наименованиям лица с суффиксом *-(ъn)ik(ъ)*. Более того, субстантивно употребляемые прилагательные нередко являлись исходными для образования суффиксальных существительных (ср. **грѣшьнъ(ътии)** ‘грешник’ → **грѣшьнникъ** ‘то же’), однако с нулевым словообразовательным значением ввиду тождества значений в такой “словообразовательной паре”¹⁶. Наименования лица с суффиксом *-(ъn)ik(ъ)* также чаще всего переводили греческие лексемы без суффиксов, маркированных как частеречные (в отличие, например, от наименований лица с суффиксом *-tel’(ъ)*, переводивших большей частью греческие наименования лица с суффиксом *-της*), и, видимо, для древних славянских книжников наименования лица в виде субстантивированных прилагательных и в виде существительных с суф. *-(ъn)ik(ъ)* были в какой-то мере однотипны и могли использоваться в одном ряду. Так, например, при наличии в старославянском лексическом инвентаре кальки с *εὐεργέτης* **благодѣтель** ‘благодетель’, вошедшей в него уже в евангельском тексте

¹⁴ Лексема употреблена в Supr в Житии Анина, греческий оригинал к которому не найден.

¹⁵ Dokulil M. Tvoření slov v češtině. T. I. Praha, 1962. С. 34.

¹⁶ Ефимова В.С. Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006. С. 44–47.

(L 22,25 Zogr) и затем укоренившейся (Cloz, Supr), в Supr 176,5–6 в одном ряду с прилагательными появляется гапакс **БЛАГОДАТЪНИКЪ** – с тем же значением ‘благодетель’, но образованный от прил. **БЛАГОДАТЪНЪ** в значении ‘милостивый’: Εἰ ἦδεις, ἡγεμόν, τὴν δύναμιν τοῦ ἐσταυρωμένου, κατέλειψας ἂν τὴν τῶν ματαίων εἰδῶλων πλάνην... προσεκύνεις καὶ αὐτὸν ἐθεράπευες, τὸν ὄντα Υἱὸν ἐκ Πατρὸς, εὐεργέτην... εὐσπλαγχνον καὶ ἐλεήμονα – **аште бгы вѣдѣлъ князь силѣ распатааго . то оставилъ бгы коумиръскѣхъ соуктънѣхъ льсть . и томоу вѣгаждавѣ истинноуоумоу сѣоу . отъ отьца благодатъникоу . милосръдоу милостивоу .** (Supr 176,5–7).

Несомненно, что большинство старославянских наименований лица в виде субстантивированных прилагательных принадлежит к “новой” старославянской лексике, т.е. они были образованы самими древними книжниками. Влияние языка греческого оригинала при этом проявлялось в разной мере – от подражания морфологическому статусу лексемы (т.е. употребления лексемы без суффикса, маркированного как частеречный суффикс существительного) до калькирования греческих наименований лица непосредственно в рамках отношений “текст → текст”. Среди последних можно указать на такие наименования лица, как **БОГОГОДЪНЪИ** (с греч. ὁ θεόρεστος) в Supr 327,3, возможно, **БЛАГОЧЪСТЪНЪИ** (с ὁ εὐσεβής) в Supr 506,18, **БОГОМРЪЗЪКЪИ** (с ὁ θεοστυγής) в Supr 482,8 и др. Ср.: ὡ τῆς ἀκατηλεύτου διδασκαλίας τῶν θεαρέστων. – **ѡ веле некоупъкнок оученик богогодънѣхъ** . (Supr 327,3; или: ἵνα κὰν οὕτως παύσῃ τῶν θεοστυγῶν τὴν μανίαν. – **да понѣ тако оуставитъ бѣмрѣзъкѣхъ неистовство** . (Supr 482,8). Иногда мы видим результат не прямого калькирования, но тем не менее влияния (в большей или меньшей мере) языка греческих оригиналов на словообразовательные процессы в старославянском языке. В частности, такое влияние наблюдается в образовании наименований лица в виде субстантивированных прилагательных с префиксами *bez-* и *ne-* (как и других лексем с этими префиксами), соответствующих греческим с *α-privativum*¹⁷. Так, например, прил. **БЕЗВИНЪНЪ** (**ЪИ**) вошло в старославянский лексикон в качестве наименования лица (в Supr) со значением ‘невиновный человек’, однако использовалось для перевода двух греческих лексем с *α-privativum* – как ὁ ἀθῶς (Supr 398, 1; Supr 398,3), так и ὁ ἀνεύθυνος (Supr 368,2–3). Ср.: Ἀθῶν καὶ δίκαιον οὐκ ἀποκτενεῖς. – **безвинна и правдива не оуби** . (Supr 398,3); Ὡ τῶν ξένων πραγμάτων! ὁ ἀνεύθυνος ὡς ὑπεύθυνος ἀπολογεῖται. – **ѡ веле дѣло чоудно . безвинънъи акты винънъи отвѣштавактъ** . (Supr 368,2–3). С другой стороны, перевод греч. ὁ ἀχάριστος ‘неблагодарный человек’ как **НЕВЪЗБЛАГОДѢТЪНЪИ** (т.е. субстантивированным прилагательным с префиксом *ne-*) вошел в старославянский лексикон уже в переводе евангельского текста (L 6,35), однако в Supr та же греческая лексема с тем же значением переведена как **БЕЗДАРЪСТВЪНЪИ** (т.е. субстантивированным прилагательным с префиксом *bez-*). Ср.: ὅτι αὐτὸς χρηστός ἐστιν ἐπὶ τοὺς ἀχαρίστους καὶ πονηροὺς – **ѣко тѣ благъ естѣ . на невѣзблагодѣтънѣхъ . і зѣлѣхъ** . Zogr, As (в Mag **невѣзблагодатънѣхъ**); Ὁ ἀνθρώπος εἶπεν. “Ἀποδύσαντες τὸν ἀχάριστον ἅλιν τύψατε...” – **анѣпатъ рече . сѣвлѣкъше бездаръствѣнааго . пакъи вниате** . (Supr 103,2–3).

¹⁷ Она же. К вопросу о лексическом выражении отрицания в старославянском языке // Slavia. Roč. 74. Seš. 2/3. Praha, 2005. S. 251–264.

В большинстве же случаев для образования наименований лица путем субстантивации прилагательных использовались уже существующие в старославянском лексиконе прилагательные. При этом при вхождении в старославянский лексический инвентарь прилагательные могли быть образованы как кальки с греческих лексем, но в качестве наименований лица употребляться для перевода и других лексем. (Явление, при котором старославянские лексемы могли образовываться как кальки греческих соответствий в процессе отношений “текст → текст”, но потом использоваться для перевода других греческих лексем, без соотнесения с морфологической и семантической структурой последних, уже замечено палеославистами¹⁸.) Так, например, вполне вероятно, что прил. **жестосръдивъти** было образовано как калька с греч. σκληροκάριος (ср. перевод σκληροκάριος как **жестосръдъти** в Pr 17,20 Grig, Zach). Однако в дошедших до нашего времени старославянских рукописях **жестосръдивъти** встречается только в субстантивном употреблении – в качестве наименования лица ‘жестокосердный, неблагодарный человек’ при переводе того же греч. ὁ ἀχάριστος: Ἀκούσατε οἱ ἀχάριστοι, τί εὐαγγελίζεται ὑμῖν ὁ προφήτης Ζαχαρίας. – **Слышите жестосръдивии . что вамъ благовѣститъ захаріа пророкъ .** (Supr 324,16).

Встречаются старославянские наименования лица в виде субстантивированных прилагательных, образованные как бы “вопреки” языку греческого оригинала. Так, субстантивно употребленное суффиксальное прилагательное может быть образовано и для перевода греческого субстантивно употребленного причастия (ср.: λονηρευόμενος – **зълъбивъти** ‘дурной, плохой человек’ в Ps 21,17 Sin; Ps 63,3 Sin; Ps 118,115 Sin; **лжкавъти** ‘то же’ в Ps 25,5 Sin; ὁ φθονῶν – **завистъливъти** ‘завистник’ в Supr 340,23), и для перевода греческого суффиксального существительного (ср.: δυνάστης – **сильнъти** ‘“сильный”, правитель’ в L 1,52 в Zogr и Mar), и для перевода греческого двукорневого композита (ср.: φιλόζωος – **оужасъти** ‘пугливый человек, трус’ в Supr 88,22) и некоторые другие. Однако такие случаи довольно редки.

В тех же синтаксических позициях (подлежащего, левого и правых актантов, неконститутивных непредикатных определителей и неконститутивных определителей предиката, в позиции обращения) субстантивировались в целях образования наименования лица и употребляемые без определяемого существительного причастия. В соответствии с грамматической природой глаголов, от которых образовывались такие субстантивированные причастия, среди этих наименований лица были как номинации-обозначения, пополнявшие старославянский лексический инвентарь, так и номинации – аналитические дескрипции¹⁹. Корпус номинаций-обозначений пополнялся за счет субстантивированных причастий от безобъектных глаголов и глаголов в значении безобъектных (т.е. омонимичных переходным и непереходным объектным глаголам). Так, например, от безобъектного глагола

¹⁸ Bláhová E. Kompozita v staroslověnské terminologii. Slavia. Roč. 65. Praha, 1996. S. 261–262; Ефимова В.С. О старославянском калькировании как специфическом способе словообразования // BS. 2007. Vol. LXV/2. S. 124–125; Она же. О формировании старославянского лексического фонда... С. 71–73.

¹⁹ О разноструктурных единицах номинации см.: Кубрякова Е.С. О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц // Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Katowice, 2000. S. 24–31, особенно S. 25.

оумръѣти ‘умереть’ было образовано наименование лица оумърѣти ‘умерший’. Ср. в J 11,39: λέγει αὐτῷ ἡ ἀδελφὴ τοῦ τετελευτηκότος [вар. τεθνηκότος] Μάρθα· — глѣ емоу сестра оумърѣшаего . марта . (Zogr, Mar, As). От переходного глагола в значении безобъектного зѣдати ‘строить’ было образовано наименование лица зиждан ‘строитель’. Ср. в Mt 21,42 (= Ps 117,22): Λίθον ὃν ἀπεδοκίμασαν οἱ οἰκοδομοῦντες, οὗτος ἐγενήθη εἰς κεφαλὴν γωνίας. — камень егоже не врьдоу сътвориша зиждаштен . съ вѣыстѣ въ главѣ жгѣлѣ . (Mar). От непереходного объектного глагола в значении безобъектного вѣровати ‘веровать’ было образовано наименование лица вѣроуѣи ‘верующий’. Ср. в Mc 9,23: πάντα δυνατὰ τῷ πιστεύοντι. — въсѣ възможна вѣроуѣштюмоу . (Zogr, Mar, As, Sav). Субстантивированное причастие от безобъектного глагола могло входить и в терминологичное словосочетание, также образуя словарную единицу. Ср.: καὶ τοὺς ἐπ’ αἰῶνος ὑπνοῦντας ἐκ τοῦ ᾧδου ἀνέστησε. — и съпаштаа отъ вѣка отъ ада въскрѣси . (Supr 448,7).

Субстантивированные причастия от переходных и непереходных объектных глаголов сохраняли свои глагольные связи (“нижние связи”), образуя с ними номинации — аналитические описания. Например, в J 6,54 ‘тот, кто есть Мою плоть и пьет Мою кровь’: ὁ τρώγων μου τὴν σάρκα καὶ πίνων μου τὸ αἶμα ἔχει ζωὴν αἰώνιον, — ѣдан моуж плѣтъ . ѣ пиыи моуж кръвь . ѣматѣ живота вѣчнаего . (Zogr) (ѣды моуж плѣтъ... в Mar и As); в J 5,3 ‘ожидающий движения воды’: ἐν ταύταις κατέκειτο πλῆθος τῶν ἀσθενούντων, τυφλῶν, χωλῶν, ξηρῶν, ἐκδεχομένων τὴν τοῦ ὕδατος κίνησιν. — въ тѣхъ же лежааше мѣножьство болаштихъ . слѣпъ . хрому . соухъ . чажштелхъ движенѣ водѣ . (Zogr, Mar, As).

Несомненно, что широкое распространение в старославянских текстах в качестве наименований лица субстантивно употребляемых причастий обусловлено таким же употреблением причастий в греческих оригиналах. Древние славянские книжники в образовании и употреблении наименований лица часто стремились (особенно по мере становления старославянского языка и удаления его от первых кирилло-мефодиевских переводов) к морфологическому соответствию словам греческого оригинала. Так, например, ὁ πλούσιος переводится субстантивно употребленным прилагательным богатѣи (L 16,22 Zogr, Mar, As, Sav; Ps 9,29 Sin; Supr 262,5 и др.), тогда как ὁ πλούτων — субстантивно употребленным причастием богатѣи са (L 1,53 Zogr, Mar); ὁ πιστός — вѣрыныи (Supr 321,24; Supr 405,14), тогда как ὁ πιστεῶν — вѣроуѣи (Euch 19b 22; Supr 29,4–5) и др. По видо-временным параметрам субстантивно употребляемых причастий древние славянские книжники также стремились к соответствию причастиям греческим. Так, например, ὁ θηρεύων переводится как ловѣи (Ps 123,7 Sin), ὁ ἀλιεύων — тоже как ловѣи (Supr 496,4), а ὁ θηρεύσας — как оуловѣи (Supr 328,27–28); ὁ διδάσκαλος почти всегда переводится как оучитель (как наставѣникъ только в L 5,5 As и L 8,45 Sav), тогда как ὁ διδάσκων — как оучѣи (Mt 15,9 Zogr, Mar; Mc 7,7 Zogr, Mar; Ps 93,10; Ps 118,99 Sin и др.), а ὁ διδάξας — как наоучивѣи (Supr 321,1–2; Supr 324,27) и многие другие. То же можно отметить и в отношении залоговой характеристики. Ср., например, употребление субстантивированных причастий в следующем пассаже из гомилии № 36 в Supr: καὶ ὁ μὲν *προδοθεῖς* [вар. *παράδοθεῖς*] ἐν δεξιᾷ κάθηται τοῦ Πατρὸς ἐν τοῖς οὐρανοῖς, ὁ δὲ *παράδους* [вар. *προδούς*] ἐν ᾧδου νῦν ἐστι... и прѣданѣи

о деснѣхъ отъца сѣдитъ на небесехъ . а прѣдавѣи въ адѣ нынѣ кстѣ . (Supr 405,29 и 30).

Трудно сказать, в какой мере употребление субстантивированных причастий в качестве наименований лица было свойственно народной славянской речи того времени. Можно указать примеры, когда древние книжники избегали образования (или употребления) таких наименований вопреки языку греческого оригинала, используя конструкции с личными местоимениями и личными формами глагола. Например, в Mt 10,39: ὁ εὐρὼν τὴν ψυχὴν αὐτοῦ ἀπολέσει αὐτήν, καὶ ὁ ἀπολέσας τὴν ψυχὴν αὐτοῦ ἔνεκεν ἐμοῦ εὐρήσει αὐτήν. – **ВЕРѢТЪ ДѢЖ СВОЖ ПОГОУБИТЪ ИЖ . а ІЖЕ ПОГОУБИТЪ ДѢЖ СВОЖ МЕНЕ РАДИ . ОБРАШТЕТЪ ИЖ .** (Zogr, Mar, As; в Sav: ...а ПОГОУБИВЪ ДѢЖ СВОЖ МЕНЕ РАДИ . ОБРАШТЕТЪ ИЖ); или: Μανθανέτωσαν οἱ τὰς λαμπρὰς οἰκοδομοῦντες οἰκίαν... — **да НАВЫКНѢТЪ ІЖЕ СВѢТЪЛЫА ДОМЪ ДѢЛАЮТЪ .** (Supr 416,6). Тем не менее наименования лица в виде субстантивированных причастий используются с самых первых кирилло-мефодиевских переводов, начиная с апракосного евангельского текста. Более того, в ряде случаев можно отметить даже некоторую “независимость” субстантивного употребления причастий в славянском переводе от морфологических структур их греческих соответствий. Например, такими наименованиями лица переводятся греческие двукорневые композиты. Ср. в Mt 5,9: μακάριοι οἱ εἰρηνοποιοί... – **БЛАЖЕНИ СЪМИРѢЮЩІИ .** (Zogr, As, Sav) (то же наименование лица сохраняется и при цитации евангельского стиха в Supr: **БЛАЖЕНИ ВО РЕЧЕ СЪМИРАЮЩІИ .** Supr 423,12); в L 1,58: καὶ ἤκουσαν οἱ περίοικοι... ὅτι ἐμεγάλυνεν Κύριος τὸ ἔλεος αὐτοῦ μετ’ αὐτῆς... – **І СЛЫШАША ОКРѢСТЪ ЖИВЮЩЕІ . . . ЪКО ВЪЗВЕЛИЧИЪ ЕСТЬ ГѢ . МИЛОСТЬ СВОЖ СЪ НЕИЖ .** (Zogr, Mar, As).

Начиная с апракосного евангельского текста в старославянский лексикон входят представленные субстантивированными прилагательными и причастиями наименования лица со значением ‘больной’. Рассмотрим в качестве примера эту лексическую группу, в которой данный тип наименований – как без указания болезни, так и с указанием конкретных недугов – является основным: **НЕДЖЖЫНЪИ** ‘больной’ (Mt 8,16 Zogr, Mar, As; Mt 14,14 Zogr, Mar, As, Sav; и др.), **ВОЛАН** ‘больной’ (Mt 10,8 Zogr, Mar, As, Sav; J 5,3 Zogr, Mar, As; и др.), **ВОЛЫНЪИ** ‘больной’ (Euch 27a 2; Supr 531,20), **НЕДЖЖИВЪИ** ‘больной’ (Supr 307,15), **ВОЛѢЗНЫНЪИ** ‘больной’ (Supr 556,4; Supr 558,4–5), **НЕМОЦЫНЪИ** ‘больной, немощный’ (Euch 39b 2–3; Supr 557,13), **ІЗНЕМАГАЛАН** ‘больной, немощный’ (R 14,2 En, Ochr, Christ, Mak, Šiš), **БѢДЫНЪИ** ‘больной, увечный человек’ (Mt 15,31 Mar, L 14,21 Zogr, Mar, As, Sav), **БѢСЫНЪИ** ‘бесноватый, одержимый злым духом’ (Mt 8,28 Zogr, Mar, As; Mc 1,32 Mar; и др.), **БѢСНОУЯН** ‘бесноватый, одержимый злым духом’ (Mt 8,28 Sav; Euch 51a 11; и др.), **ВОДНОТРОДОВИТЪИ** ‘больной водянкой’ (Zogr 130a 20 и Mar 76b 31), **ПРОКАЖЕНЪИ** ‘прокаженный’ (Mt 8,2 Zogr, Mar, As, Sav; Cloz 4b 2; Supr 411,16; Supr 480,20–21), **СТРОУПИВЪИ** ‘прокаженный’ (Euch 53b 3), **ПѢГОТИВЪИ** ‘прокаженный’ (Supr 387,21–22), **РАСЛАВЛКЪИ** ‘парализованный’ (Supr 387,30; Supr 518,22–23), **КРѢВОТОЧИВАА** ‘женщина, страдающая кровотечением’ (Zogr

129b 9; Mar 43b 5; Mar 76b 5; Supr 434,18–19; Supr 457,8–9), **кръвоточница** ‘женщина, страдающая кровотечением’ (Supr 392,18)²⁰.

Наиболее древним наименованием лица со значением ‘больной (без указания конкретного недуга)’ следует, видимо, считать имя с древней структурой общеименной суффиксации с основой на -ī **болъ** (см. примеч. 11), которое встречается в Euch и в Supr (Euch 24a 21; Euch 27a 18; Euch 30a 5; Euch 42b 13 и др.; Supr 38,9–10; Supr 388,20). Однако в переводе Евангелия, начиная с текста Евангелия-апракоса, “конкурируют” два наименования лица с этим значением – субстантивированное прилагательное **неджжънъти** и субстантивированное причастие **болли**. Обе лексемы представляются настолько закрепившимися в старославянском лексическом инвентаре, что трудно определить степень влияния языка греческого оригинала на их образование или употребление, а в старославянских евангельских кодексах X–XI вв. они даже становятся взаимозаменяемыми. Ср. в Mt 8,16: καὶ πάντα τοὺς κακῶς ἔχοντας ἐθεράπευσεν – **и всѣхъ неджжънътъ ѿцѣли** . в Zogr, Mar, As – **и всѣхъ болащихъ ѿцѣли** . в Sav. Можно предполагать, что **болли** вошло в славянский евангельский текст в качестве перевода субстантивно употребляемого причастия ὁ ἰσθενών, поскольку такое соответствие находим в J 5,3 (Zogr, Mar, As), J 11,1 (Zogr, Mar, As, Sav), Mt 10,8 (Zogr, Mar, As, Sav), L 9,2 (Zogr, Mar, As, Sav). Например, в L 9,2: καὶ ἰᾶσθαι τοὺς ἰσθενοῦντας,²¹ – **и ѿцѣлѣти болащѣхъ** . (Zogr, Mar, As, Sav). Однако это был перевод “по смыслу”, так как соответствовал греч. ὁ ἰσθενών только в общем морфологическом статусе субстантивно употребляемого причастия, но не в морфологической и семантической структуре. Ср.: ἰσθενών – лексема с α-privativum, тогда как **болли** – причастие беспрефиксного глагола; по семантической структуре греческому ὁ ἰσθενών ближе перевод **изнемагаѣли** в Апостоле R 14,2 (ὁ δὲ ἰσθενὼν λάχανα ἐσθίει... – **а изнемага[а]и зѣле да ѣсть** . Ep, Ochr, Christ, Mak, Šiš). В Mc 2,17 (Zogr, Mar, As, Sav) и в L 5,31 (Zogr, Mar, As), а также в Mt 14,35 (Zogr, Mar) и в Mc 6,55 (Zogr, Mar) **болли** используется для перевода субстантивно употребленного словосочетания ὁ κακῶς ἔχων, т.е. с еще меньшей мерой соответствия языку греческого оригинала. Например, Mc 2,17: οὐ χρεῖαν ἔχουσιν οἱ ἰσχύοντες ἰατροῦ ἀλλ’ οἱ κακῶς ἔχοντες – **не трѣбоуѣтъ сѣдравѣи балѣхъ нѣ болащѣи** . Mar, Zogr, As, Sav. В относительно более поздних переводах **болли** используется не только для передачи ὁ ἰσθενών (например, в Supr 251,19), но и употребленного для наименования лица причастия κάμνων. Ср.: Ὁ θάνατος... πεπτωκότων ἀνάστασις, καμνόντων ἀνάπαυσις... – **ѡ смърти... падъшнимъ вѣстаникъ . болащтинимъ покон** . (Supr 314, 29).

Субстантивно употребляемое прилагательное **неджжънъти** использовалось для перевода еще большего числа греческих наименований лица со значением ‘больной’. Уже в евангельском тексте **неджжънъти** передает ὁ

²⁰ Наименования лица в виде суффиксальных существительных – малоупотребительного **неджжънникъ** ‘больной’ (Mt 8,16 Zogr, Mar; Mc 16,18 Mar при **неджжънъти** в As, т.е. **неджжънникъ** в тетрах), гапакса Supr **кръвоточница** ‘женщина, страдающая кровотечением’ (Supr 480,25–26) – выглядят новообразованиями на фоне широко распространенного наименования лица **неджжънъти** и более употребительного **кръвоточница**.

²¹ В L 9,2 имеется разночтение ὁ ἰσθενών/ὁ ἰσθενής, но славянский перевод, видимо, следовал варианту ὁ ἰσθενών.

ἄρρωστος (Mt 14,14 Zogr, Mar, As, Sav; Mc 16,18 As; Mc 6,13 Zogr, Mar), ὁ ἀσθενῶν (J 5,7 Zogr, Mar, As; J 6,2 Zogr, Mar, As; Mc 6,56 Zogr, Mar), ὁ ἀσθενής (L 10,9 Zogr, Mar), ὁ κακῶς ἔχων (Mt 8,16 Zogr, Mar, As, болан в Sav; Mc 1,32 Zogr, Mar). Например, в Mt 14,14: καὶ ἐθεράπευσεν τοὺς ἀρρώστους [вар. ἀρρωστούντας] αὐτῶν. – и ицѣли неджжънтыи ихъ. (Zogr, Mar, As, Sav). В Euch неджжънтыи используется и для передачи наименования лица νοσῶν: Εὐχή... ἐπὶ νοσοῦντος – моѣ ѣ наѣ неджжънтыи (Euch 26a 20). Хотя среди греческих соответствий наименования лица неджжънтыи имеется ряд лексем с α-privativum (ὁ ἄρρωστος, ὁ ἀσθενῶν, ὁ ἀσθενής), прил. неджжънтыи, образованное от восходящего к праславянской древности сущ. неджгъ (ЭССЯ 24, 125–126), следует, видимо, отнести к старославянским лексемам, в которых совпадение славянского и греческого префиксов (ne- и α-) не было результатом калькирования греческого соответствия²².

Подведем итог сказанному. Итак, наличием большого количества наименований лица в виде субстантивированных прилагательных и причастий в своем лексическом инвентаре старославянский язык был обязан влиянию языка греческих оригиналов славянских переводов. Однако такой способ номинации не был чужд славянской народной речи того времени, что обусловило органичное вхождение в старославянский лексикон новообразований этого типа. Часть таких старославянских наименований лица, образованных древними книжниками в процессе переводов или редакторских правок, осталась окказионализмами, но часть закрепилась, прочно вошла в старославянский лексикон и стала употребляться в последующих переводах безотносительно к морфологическим структурам переводимых греческих слов.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РУКОПИСЕЙ

- As – Ассеманиево евангелие, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Kurz J. Evangeliař Asemanův. Praha, 1955*
- Christ – Христинопольский апостол, древнерусская рукопись XII в.; изд.: *Kalužniacki E. Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice ad fidem codicis Christopolitani. Vindebonae, 1896*
- Cloz – Клоцов сборник, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Dostál A. Clozianus. Praha, 1959*
- En – Енинский апостол, старославянская рукопись XI в.; изд.: *Мирчев К., Ковдов Хр. Енински апостол. Старобългарски паметник от XI век. София, 1965*
- Euch – Синайский евхологий, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Nahtigal R. Euchologium Sinaiticum. D. 2. Ljubljana, 1942*
- Grig – Григоровичев паремейник, среднеболгарская рукопись XII–XIII вв.; изд.: *Рибарова Зд., Хауптова З. Григоровичев паримејник. Скопје, 1998.*
- Mak – Македонский (Струмицкий) апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.; изд.: *Блахова Е., Хауптова З. Струмички (Македонски) апостол. Кирилски споменик од XIII век. Скопје, 1990*
- Mar – Маринское евангелие, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Ягич И.В. Маринское четвероевангелие. Graz, 1960*

²² Ефимова В.С. К вопросу о лексическом выражении отрицания... S. 259–260.

- Ochr – Охридский апостол, среднеболгарская рукопись XII в.; изд.: *Кульбакин С.М.* Охридская рукопись апостола конца XII века. Български старини. Кн. III. София, 1907
- Sav – Саввина книга, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века. Ч. I / Изд. подг. О.А. Князевская, Л.А. Коробенко, Е.П. Дограмаджиева. М., 1999
- Sin – Синайская псалтырь, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Северьянов С.Н.* Синайская псалтырь. Graz, 1954
- Šiš – Шишатовский апостол, древнесербская рукопись 1324 г.; изд.: *Stefanović D.E.* Apostolus Šišatovacensis anni 1324. Wien, 1989
- Slepč – Слепченский апостол, среднеболгарская рукопись XII в.; изд.: *Ильинский Г.А.* Слепченский апостол XII века. М., 1912
- Supr – Супрасльская рукопись, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Severjanov S.* Codex Suprasliensis / Editiones monumentorum slavico-rum veteris dialecti. Vol. I–II. Graz, 1956; *Заимов Й., Каналдо М.* Супрасълски или Ретков сборник. В 2-х т. София, 1982–1983
- Zach – Захариинский паремейник, древнерусская рукопись 1271 г.
- Zogr – Зографское евангелие, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Jagić V.* Quattuor evangeliorum codex glagoliticum dim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

- Черных I – *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I. М., 1994
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева, с 2005 г. под ред. А.Ф. Журавлева. Вып. I – ... М., 1974 – ...
- ESJS – Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Seš. 1 – ... Praha, 1989 – ...